

за границу. Может быть, надолго. Но тогда это не огорчало, не пугало. Я знал тогда, для кого пишу. Кто читает меня. Знал также и то, кому нужен был мой арест. Кто угрожал расправой. Получал и тогда много писем. Были тоже от солдат, от матросов... Да, писали тогда, пишут мне и теперь... Но какие письма!.. Кто из тех, что называют меня „гнусным наемником“, грозят самосудом, убийством, читал меня? Читал „Красный смех“, „Царь-голод“, „Савву“? Знают мое обращение „К солдату“? ² Это знают, но и то из третьих рук, обрывки в передаче ораторов. Скажите, — для кого же писал я всю жизнь? Для кого писал? <...>

А все-таки интеллигенция и писатели, как бы тяжело им ни было, должны идти работать к Горькому. Это тяжелая жертва, но они должны ее принести. Да, должны. Они не имеют права умирать от голода, не имеют права гасить тот свет, который они обязаны сохранить для народа. Они должны жить <...> В кровавой борьбе погибли уже лучшие силы. Народ почти обезглавлен. Его мозг обескровлен, потому что тысячами уничтожены интеллигентные, передовые, талантливые люди. Немногие уцелевшие должны жить!

В издательстве Горького — деньги народа, и писатели могут их брать. Народу же вернут они их, отдав ему свои творческие силы, когда свободная родина потребует этого от них. Но они должны дожить до этого!..»

Первый отрывок взят из воспоминаний М. К. Иорданской «На Капри», напечатанных в «Литературной газете», 1945, № 26, 16 июня.

Второй отрывок взят из воспоминаний М. К. Иорданской «Эмиграция и смерть Леонида Андреева». — Сб. «Родная земля», I. Нью-Йорк, кн-во «Народоправство», 1920, стр. 44—63.

Воспоминания в целом относятся к осени 1910 г., когда Иорданские путешествовали по Италии и встречались с Горьким.

¹ О Рутенберге — см. Переписка, № 156, прим. 5. — Мартин — одно из его прозвищ.

² Андреев написал несколько обращений к солдатам, некоторые в форме листовок; опубликованы в январе — феврале 1917 г. Одно из них посвящено борьбе за свободу в России; другое — обличению прошлого царской России. В нем Андреев призывает солдат слиться с народом и внять его истинным устремлениям. Обе листовки хранятся в ЦГАЛИ (ф. Андреева). В свое время были опубликованы в газете «Русская воля».

Иорданская рассказывает здесь о встречах с Андреевым в феврале 1910 и в августе 1919 г. в Финляндии, то есть за месяц с небольшим до смерти писателя. Иорданская сообщает также со слов Андреева, что к нему приезжали «от имени Горького» Гржебин и Тихонов покупать его сочинения для издательства. «Конечно, ни в какие переговоры с ними не вступил», — сказал Андреев (имеется в виду издательство «Всемирная литература», созданное Горьким во второй половине 1918 г.).

10. В. П. ТРОЙНОВ

...В одну из встреч в 1905 году Л. Андреев сообщил Горькому о задуманной им пьесе. Это была драма «К звездам» ¹, которая явилась первым откликом писателя на революционные события.

«Вверху, на горах, обсерватория, и там живут русский ученый — директор обсерватории, его сотрудники и семья, а внизу происходит революция...». Вся драма была построена на противопоставлении отвлеченного стремления к научным знаниям и борьбы народа за хлеб и свободу.

«Прочь, суетные заботы. Попирается здесь измененная земля, отсюда идут к звездам», — говорит главное действующее лицо, ученый Терновский. Его сын Николай рвется вниз, на баррикады, но его удерживают любовь к матери и боязнь навлечь на отца гнев правительства. «Отец занят большой научной работой. Чем больше будут изучены солнечные пятна, тем меньше останется пятен в социальной жизни», — говорит он. Ни-

колай пытается руководить революцией сверху. Ему помогает невеста и ряд других лиц. В последнем акте приверженцы правительства врываются в обсерваторию, чтобы арестовать Николая. Отец же, в ответ на угрозу правительственного комиссара разгромить обсерваторию, становится перед рефлексором и гордо заявляет комиссару: «Не смейте трогать моих приборов!»

АНДРЕЕВ С ЖЕНОЙ А. М. АНДРЕЕВОЙ И МАТЕРЬЮ
А. Н. АНДРЕЕВОЙ

Фотография, Москва, 1902 г.

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

Горький выслушал Андреева до конца, ни разу не прервав его каким-либо вопросом. Временами он морщился, ерошил волосы растянутой пятерней, нервно откашливался, точно у него что-то застряло в горле, а иногда, поднеся спичку к папиросе, забывал закурить и подолгу смотрел на Андреева, подставив под подбородок руку.

— Хорошая пьеса, братец, выйдет, — говорил Горький. — Станиславский обеими руками хватился бы за нее. Характеры сделаны замеча-

тельно. Даже в схеме это чувствуется. Но вот, чёрт возьми, ты еще руку не набил в драматургическом ремесле. Понимаешь, люди у тебя словно в бальных перчатках ходят. Боятся руку в кулак сжать, чтобы швы не лопнули. А какая же, милый мой, революция может быть без зуботычины! И потом, что же это, — одни разговоры. Точно часы в закрытом футляре: — слышно — тикают, а гирь-то, маятника-то и не видно. А в этом — вся движущая сила механизма. Как же так...

И Горький стал по-своему перекраивать сюжет. Он выбросил немую старушку с трясущейся головой — к чёрту гамсуновские символы! — послал Николая на баррикады, рассорил семью и сотрудников Терновского, наметил двух рабочих, простых, но житейски мудрых людей, преданных делу пролетариата. Он придумывал целые сцены столкновений между враждебными людьми, вставлял колкие горьковские словечки, описывал внешность действующих лиц. Горький не оставил без внимания даже декоративной части пьесы.

Горький говорил с увлечением. Низкий голос его становился гибким. В страстности жестов терялось обычное однообразие и угловатость движений, дуги бровей поднимались выше, и улыбка была проще, теплее.

— Слушаю тебя и думаю: кто же из нас автор пьесы — ты или я? — засмеялся Андреев.

— Ты, Леонид, — отвечал Горький, дружески беря его за руку. — Честное слово, — ты. Понимаешь, я тоже пишу пьесу. В тюрьме еще начал. И тоже такой один чудачок, ученый есть... — и вдруг торопливым броском добавил: — А что я думаю: не приняться ли нам за работу вместе? Ты набросай начерно, а я тоже подумаю. Ей-богу, Леонид, хорошо будет. Андреев с радостью ухватился за это предложение.

— Это было бы замечательно, — воскликнул Андреев. — Но постой, что же получится? Ты моего Терновского подмастерьем сделаешь, а небесную богиню астрономии, в лучшем случае — замоскворецкой гадалкой. Потом, ты сам пишешь пьесу.

Горький махнул рукой.

— Это не в счет. Я ее тихоходом выведу. А ты, боюсь, не справишься один. Твоих людей надо сравить. Тут грубость нужна. У меня это лучше выйдет. А Терновского с присными себе возьмешь. Профессора по твоей части. Они у меня как-то непричесанными получаются... Только ты не очень лезь в лапы этого самого Космоса. Обманчив он, и ни к чему это.

— А Фауст? — возразил Андреев.

— Ну, куда хватил, — сказал Горький, разводя руками. — Теперь век материи. Наш дом, братец, — земля, и на ней нам надо устроиться хорошо, радостно².

Андреев принялся за пьесу.

Горький убедил его, и он во многом отступил от прежнего плана. В числе революционеров появился рабочий Трейч. Николай погиб на баррикадах. Терновский остался по-прежнему центральной фигурой. Из женщин резко выделены как положительные типы — невеста Николая, Маруся, и жена Терновского — образ матери Андреева. Немая старуха была выброшена.

Закончив работу, Андреев повез пьесу Горькому. Вернулся он мрачный, раздраженный. Пьеса Горькому не понравилась. По словам Андреева, он слушал ее без оживления и очень мало говорил о ней. Расхождение взглядов оказалось глубже и непримиримее, чем предполагал Андреев.

Вопрос о совместной работе больше не поднимался.

Леонид Андреев снова взялся за переделку пьесы. Это был уже третий вариант. Андреев опять ввел немую старуху и, словно в отместку Горькому, еще более усилил в пьесе мистический элемент. Он действительно вел переговоры с театрами, но поставить пьесу на сцене не удалось.

Наступала революция 1905 года. Андреев уехал за границу. Вскоре после декабрьского поражения Горький принужден был эмигрировать в Америку, а затем на остров Капри. Писатели изредка встречались, но они были уже чужды друг другу.

Творческие их пути совершенно разошлись. Имя Горького сделалось движущей силой революции.

Общественное воздействие творчества Андреева, наоборот, начало падать. Он все более переходил на сторону реакции и буржуазного читателя, жадного до новшеств и острого ощущения...

Отрывок из статьи В. П. Тройнова «М. Горький и Л. Андреев. (Из воспоминаний современника)». — «Литературная газета», 1937, № 42, 5 августа.

Виктор Петрович Тройнов (1876—1949) — инженер-экономист, работал у Саввы Морозова; литератор, родственник Андреева, был с ним в дружеских отношениях и состоял в переписке. В ЦГАЛИ хранится шесть писем Андреева к Тройнову 1904—1915 гг.

¹ Воспоминания Тройнова часто используются в литературе об Андрееве. Однако необходимо учитывать, что мемуарист не совсем точно рассказывает о встречах и обсуждении пьесы Андреева. Так, известно, что Андреев читал Горькому первый вариант «К звездам», когда «Дети солнца» были уже закончены; сохранившийся первый вариант пьесы (ИРЛИ) близок к сюжету, сообщенному Горьким; неточно говорит Тройнов и об «эмиграции» Горького в Америку.

7—8 ноября 1905 г. Горький недобрительно отозвался об этой пьесе Андреева в письме к Пятницкому («Архив Горького», т. IV, стр. 189). Театральная цензура запретила постановку «К звездам» в Художественном театре («Русское слово», 1906, 8 января; в хроникальной заметке сообщалось о кризисе в деятельности Художественного театра в связи с ломкой репертуарного плана).

² Здесь явно чувствуются отголоски спора Горького и Андреева по поводу рассказа «Красный смех» (см. Переписка, № 125—127). 28 января 1905 г. Андреев писал из Москвы О. Дымову о «Красном смехе», явно намекая на Горького: «Некоторые — немногие впрочем — упрекают меня в том, что я взялся изображать то, чего не видел; такой упрек представляется мне положительным недоразумением. При существовании „Божественной комедии“, „Каина“, „Фауста“ и пр. и пр. это просто бестолково. Хуже того — искусственно ограничивать кругозор художника пределами реально-видимого и осязаемого это значит посягать на самый дух творчества. И особенно странно такое недоразумение теперь, когда над вкусами публики царят Беклин, Врубель и т. п.» (ЛБ).

11. А. К. ШОЛЬЦ

... Дело Горького ¹, которое построено на клочке бумаги, напоминает невольно дело Джона Гампдена ² (...). Также и против Леонида Андреева, автора «Красного смеха», друга и соратника Горького, возбуждено необоснованное дело. Андреев будто бы принадлежал к тайному обществу и устраивал у себя на квартире собрания этого общества. Это тайное общество живет только в воображении русских административных властей, которым очень неприятно сознавать, что такие выдающиеся представители русской интеллигенции, как Горький и Андреев, находятся во враждебном лагере. Защита Горьким и Андреевым политических прогрессивных идей является для освободительного движения большой моральной помощью: за этими людьми, вы чувствуете, стоят силы цивилизованного мира и их головы даже для жандармов и казаков «tabu». Каждый, кто посмеет положить на них руку, накладывает на свой лоб печать Герострата.

Волна событий подняла Максима Горького и его литературных соратников, в особенности талантливого Леонида Андреева, на большую высоту. Некоторые из его последних произведений могут вызывать разногласия, но отнять у них широту, мужественную смелость, четкую целеустремленность никто не может. То, что в России есть такие «настоящие люди», вызывает искреннюю радость у большинства образованных людей. Все